

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Война и мир Краткое содержание

Том 4

Часть первая

«Петербургская жизнь шла по-старому; и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознавать опасность и то трудное положение, в котором находился русский народ. Те же были выходы, балы, тот же французский театр, те же интересы дворов, те же интересы службы и интриги. Только в самых высших кругах делались усилия для того, чтобы напоминать трудность настоящего положения».

У Анны Павловны Шерер в день битвы под Бородином был званый вечер. В этот день ожидали князя Василия, который собирался читать послание патриарха: князь Василий славился своим чтением — он не попадал то понижал, то повышал голос, прикрывал глаза и завывал. Одной из самых значительных новостей была болезнь графини Безуховой. «Все очень хорошо знали, что болезнь прелестной графини происходила от неудобства выходить замуж сразу за двух мужей и что лечение итальянца состояло в устранении этого неудобства...» Сын князя Василия Ипполит присутствует здесь же, пытается острить, но делает это не попадая: вставляет в разговор бессмысленную фразу, так как считает, что остроумие в этом и состоит. Появляется князь Василий и читает послание. Все с одобрением слушают.

На следующий день разносятся вести о победе русских войск под Бородином: Кутузов сразу после сражения, считая, что русские войска победили французов, отправил донесение в ставку. В свете и в салоне Анны Павловны все радуются, демонстрируют свой патриотизм, князь Василий, забыв свои нелестные отзывы о Кутузове, утверждает, что всегда считал, что «он один может победить Наполеона». По городу разносится также другая весть — о смерти графини Безуховой. «Официально в больших обществах все говорили, что графиня Безухова умерла от страшного припадка ангины, но в интимных кружках рассказывали подробности о том, как лейб-медик королевы испанской предписал Элен небольшие дозы какого-то лекарства для произведения известного действия; но как Элен, мучимая тем, что старый граф подозревал ее, и тем, что муж, которому она писала (этот несчастный, развратный Пьер), не отвечал ей, вдруг приняла огромную дозу выписанного ей лекарства и умерла в мучениях, прежде чем могли подать помощь. Рассказывали, что князь Василий и старый граф взяли было за итальянца; но итальянец показал такие записки от несчастной покойницы, что его тотчас же отпустили».

Еще через три дня приходит весть о сдаче Москвы. Князь Василий, тут же позабыв свои высказывания о главнокомандующем, возмущается: «Как можно было поручить такому человеку судьбу России!»

Через девять дней после оставления Кутузовым Москвы приезжает официальный посланец с пакетом к государю об этом событии. Александр печален, решает, что теперь никакого примирения с Наполеоном быть не может, что будет вести войну, пока «не истощит все средства, которые в его руках», даже если в конце концов ему самому придется «отпустить бороду до сих пор... и пойти есть один картофель с последним из... крестьян». Половина России завоевана, повсюду поднимается ополчение. Однако считать, что люди того времени занимались только самопожертвованием и героизмом, было бы неверно. «Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени. Те же, которые пытались понять общий ход дел

и с самопожертвованием и героизмом хотели участвовать в нем, были самые бесполезные члены общества; они видели все наыворот, и все, что они делали для пользы, оказывалось бесполезным вздором, как полки Пьера, Мамонова, грабившие русские деревни, как корпия, щипанная барынями и никогда не доходившая до раненых». «Только одна бессознательная деятельность приносит плоды, и человек, играющий роль в историческом событии, никогда не понимает его значения. Ежели он пытается понять его, он поражается бесплодностью... В Петербурге и губерниях, отдаленных от Москвы, дамы и мужчины в ополченских мундирах оплакивали Россию и столицу и говорили о самопожертвовании; но в армии, которая отступала за Москву, почти не говорили и не думали о Москве, и, глядя на ее пожарище, никто не клялся отомстить французам, а думали о следующей трети жалованья, о следующей стоянке, о Матрешке-маркитантке».

К числу таких людей относится и Николай Ростов. Он не думает о судьбе России, а если бы его спросили об этом, то он ответил бы, что для того, чтобы вершить судьбы страны, существуют Кутузов другие высокопоставленные чины. Ему же следует думать об исполнении своего долга, о карьере, о том, как года через два получить полк. За несколько дней до Бородинского сражения Ростов, получив деньги и бумаги, отправляется в Воронеж покупать лошадей. В Воронеже он посещает губернатора, который приглашает его на бал. Губернская жизнь в 1812 году остается такой же, какой была всегда. В городе царит некоторое оживление по случаю приезда нескольких богатых семей из Москвы. «Во всем, что происходило в то время в России, заметна была какая-то особенная размашистость — море по колено, трын-трава все в жизни, да еще в том, что тот пошлый разговор, который необходим между людьми и который прежде велся о погоде и об общих знакомых, теперь велся о Москве, о войске и Наполеоне». Ростов находится в центре внимания, все дамы от него без ума. Николай ведет себя несколько развязно, так как понимает, что от него ждут чего-то необыкновенного. Он производит фурор среди барышень своей непринужденной манерой танцевать, пытается волочиться за одной замужней блондинкой. В разгар бала Николая подзывает губернаторша и говорит, что его хочет видеть некая пожилая дама. Дама оказывается тетей Марьи Болконской. Во время разговора тетушка (Анна Игнатьевна) с похвалой отзывается о памятном ей случае, когда Ростов вступился за княжну Марью, благодарит его. Ростов смущается, краснеет, отвечает, что Марья ему очень нравится, что обстоятельства их встречи он не раз воспринимал как знак судьбы. Однако Ростов напоминает себе, что он связан обещанием, которое дал своей кузине Соне, и не может просить Марью стать его женой.

Князь Андрей пишет письмо сестре с предписанием выехать в Воронеж, где она теперь и находится. Анна Игнатьевна рассказывает ей о своем разговоре с Ростовым, о том, как молодой человек покраснел при упоминании имени княжны. Марья смущается, ее мысли все чаще и чаще обращаются к Николаю. Она не знает, как держать себя с ним, и боится, что при встрече с Николаем не сможет справиться с волнением. Вскоре приезжает Ростов. При виде его княжна Марья невольно преображается. Впервые в ее голосе «завучали новые, женские, грудные звуки». В движениях появляется грация. Мадемюзель Бурьен в изумлении смотрит на княжну Марью, не понимая, что вдруг с той произошло. «Самая искусная кокетка, она сама не могла бы лучше маневрировать при встрече с человеком, которому надо было понравиться».

«В первый раз вся та чистая духовная внутренняя работа, которою она жила до сих пор, выступила наружу. Вся ее внутренняя, недовольная собой работа, ее страдания, стремление к добру, покорность, любовь, самопожертвование — все это светилось теперь в этих лучистых глазах, в тонкой улыбке, в каждой черте ее нежного лица. Ростов увидел все это так же ясно, как будто он знал всю ее жизнь. Он чувствовал, что существо, бывшее перед ним, было совсем другое, лучшее, чем все те, которые он встречал до сих пор, и лучшее, главное, чем он сам». Ростов забывает все заготовленные заранее для разговора слова. После расставания с княжной Марьей Ростов часто думает о ней, но иначе, чем обо всех других женщинах, встречавшихся ему ранее, «О всех барышнях, как и почти

всякий честный молодой человек, он думал как о будущей жене, примеривал в своем воображении к ним все условия супружеской жизни — белый капот, жена за самоваром, женина карета, ребятишки... И эти представления будущего доставляли ему удовольствие; но когда он думал о княжне Марье, на которой его сватали, он никогда не мог ничего представить себе из будущей супружеской жизни. Ежели он и пытался, то все выходило нескладно и фальшиво. Ему только становилось жутко».

Известие о Бородинском сражении потрясает всех. Ростов торопится с покупкой лошадей и возвращением в полк. Он еще раз встречается с Марьей, на этот раз в церкви. Его поражает то одухотворенное выражение, которое появляется на лице княжны во время молитвы. Ростов жалеет, что поторопился дать обещание Соне и теперь несвободен. Все еще находясь в Воронеже, Николай получает письма из дома — от матери и от Сони. Последняя освобождает его от данного ей слова, пишет, что дела Ростовых находятся в глубоком упадке и лишь женитьба Николая на Марье Болконской поправит положение.

Семейство Ростовых находится в Троице, откуда и были написаны оба письма. Графиня, побеседовав с Соней, убеждает ее пожертвовать собой ради благополучия семьи, которой она стольким обязана. Соня колеблется. «Прежде во всех действиях самопожертвования она с радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этим самым возвышает себе цену в глазах себя и других и становится более достойною Николая... Но теперь жертва ее должна была состоять в том, чтобы отказаться от того, что для нее составляло всю награду жертвы, весь смысл жизни». Девушка испытывает горькое разочарование по отношению к членам семьи, в которой живет, а ее любовь к Николаю превращается в страсть. Соня завидует Наташе, которая не испытала ничего подобного, но тем не менее не раз была любима. Кроме того, наблюдая, как Наташа ухаживает за раненым князем Андреем, Соня тайне надеется, что после его выздоровления они поженятся, и тогда Николаю нельзя будет связать свою судьбу с сестрой Болконского из-за близкого родства. Именно поэтому Соня и отправляет Николаю письмо, в котором разрывает их помолвку.

Пьер содержится под караулом. С ним сидят еще семнадцать человек низшего сословия, которые также обвиняются в поджигательстве. Французы устраивают нечто вроде суда, задают множество лишних и ненужных, по мнению Безухова, вопросов, на некоторые из которых Пьер просто отказывается отвечать. Он понимает, что весь этот «суд» — никому не нужная процедура, что движущая сила всего — власть, благодаря которой французы и судят его, и главная их цель — обвинить его. Москва продолжает гореть, по городу стелется дым. Через некоторое время пленных ведут к генералу Даву, тот указывает на Пьера, будто бы узнает в нем русского шпиона. Безухов пытается оправдаться, называет свое имя, но Даву не слушает его. Приходит адъютант, Даву в спешке отдает какие-то распоряжения (как выясняется потом — приказ казнить пленных). Пьера выводят на улицу, вместе с другими пленными подводят к столбам, раздаются барабанная дробь, французы совещаются (по одному или по двое расстреливать). Видно, что французы торопятся. На глазах Пьера расстреливают первых двух пленных, затем еще двоих. Безухов замечает, что ужас и страдание написаны не только на лицах пленных, но и на лицах французов. Он не понимает, зачем вершится «правосудие», если страдают и «правые» и «виноватые». Французы сбрасывают тела в яму «с видом людей, совершающих преступление». Пьера не расстреливают: казнь прекращена. Безухова отделяют от других «подсудимых» и помещают в небольшую разоренную и «загаженную» церковь. «С той минуты, как Пьер увидел это страшное убийство, совершенное людьми, не хотевшими этого делать, в душе его как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в бога». Пьер знакомится с человеком невысокого роста по имени Платон Каратаев, который уговаривает Безухова «не тужить»: «Час терпеть, а век жить». Он угощает Пьера картошкой. На вопрос Каратаева Безухов отвечает, что остался в городе случайно, пошел посмотреть на пожар, а его арестовали как поджигателя

и осудили. Каратаев замечает, что «где суд, там и неправда», сам представляется солдатом Апшеронского полка. Слушая рассказ Безухова о его семье, Каратаев сочувствует, что у Пьера нет родителей («Жена для совета, теща для привета, а нет милее родной матушки!»), а то, что Пьер бездетен, огорчает Платона еще больше. Каратаев рассказывает и свою историю: «как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу, как его секли, судили и отдали в солдаты». В солдаты должен был идти его брат, но у него пятеро детей, а у самого Платона осталась только жена-солдатка — была дочка, но ее «еще до солдатства бог прибрал». Каратаев вспоминает, как ездил домой на побывку: родные живут хорошо, трудятся все вместе. Перед сном он читает какую-то странную молитву, в которой упоминаются «Фрол и Лавра». На недоуменный вопрос Пьера Платон отвечает, что это лошадиный праздник и что «и скота жалеть надо». «Пьер долго не спал и с открытыми глазами лежал в темноте на своем месте, прислушиваясь к мерному храпению Платона, лежащего подле него, и чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, двигался в его душе».

Вместе с Пьером в церкви содержатся еще двадцать три человека, три офицера и два чиновника. «Все они потом как в тумане представлялись Пьеру, но Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера самым сильным и дорогим воспоминанием и олицетворением всего русского, доброго и круглого». «Вся фигура Платона в его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые». Сколько ему лет, Каратаев не знает, но, судя по его рассказам о походах, в которых он участвовал, ему за пятьдесят. Однако у Платона нет ни одного седого волоса и зубы все целы. Его лицо, несмотря на морщинки, «имело выражение невинности и юности; голос у него был приятный и певучий». «Но главная особенность его речи состояла в непосредственности и спорности. Он, видимо, никогда не думал о том, что он сказал и что он скажет; и от этого в быстроте и верности его интонаций была особенно неотразимая убедительность». «Физические силы его и проворливость были такие первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь». Речь Платона изобилует народно-просторечными оборотами — пословицами, поговорками, присловьями. Платон постоянно чем-то занят — «он все умел делать, не очень хорошо, но и не дурно. Он пек, варил, шил, строгал, тачал сапоги. Он всегда был занят и только по ночам позволял себе разговоры, которые он любил, и песни. Попав в плен и обросши бородою, он, видимо, отбросил от себя все напущенное на него, чуждое, солдатское и невольно возвратился к прежнему, крестьянскому, народному складу... Главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые, иногда те самые, которые, не замечая их, видел Пьер, получали характер торжественного благообразия... Он любил свою шавку, любил товарищей, французов, любил Пьера, который был его соседом; но Пьер чувствовал, что Каратаев, несмотря на свою ласку и нежность к нему... ни на минуту не огорчился бы разлукой с ним». Каратаев ничего не помнит наизусть, кроме своей молитвы. Если Пьер, пораженный глубоким смыслом какого-либо наблюдения Платона, просит его повторить только что сказанное, тот не может этого сделать.

Узнав, что князь Андрей находится у Ростовых, княжна Марья выезжает к ним в Ярославль. Ее любовь к Николаю за прошедшее время становится «нераздельной частью ее самой». «Княжна Марья знала, что она любила в первый и последний раз в жизни, и чувствовала, что она любима, и была счастлива, спокойна в этом отношении». Ростовы встречают ее радушно, князь Андрей чувствует себя по-прежнему, но, по уверениям окружающих, жизнь его вне опасности. Марья знакомится с Соней. В первый момент в ней поднимается враждебное чувство к этой девушке, но, переборов себя, Марья держится с ней приветливо и дружелюбно. Узнав, что за ее братом ухаживает Наташа, Марья едва сдерживает слезы досады. Однако, увидев Наташутя на ее лице страдание, раскаяние и любовь, Марья «с горестным наслаждением заплакала у нее на плече».

Наташа сообщает княжне Марье, что рана князя Андрея теперь лучше, но доктор опасается заражения. Однако Наташа добавляет, что пару дней назад Андрей переменялся, и ей кажется, будто он умирает. Войдя к раненому, Марья понимает, насколько справедливы наблюдения Наташи, понимает также, что «смягчения, умиления эти были признаками смерти». Князь Андрей, по-видимому, тоже чувствует, что дни его сочтены. В его взгляде просматривается упрек, словно он обвиняет сестру и Наташу в том, что «ты живешь и думаешь о живом, а я...». Болконский благодарит сестру за то, что она приехала к нему, однако «разговор был холодный, несвязный и прерывался каждую минуту». Андрей говорит, что знает о чувстве, вспыхнувшем между Марьей и Николаем, добавляет, что был бы рад их браку. На некоторое время князю Андрею приводят сына, затем он пытается поговорить с сестрой о Евангелии, но на полуслове замолкает, так как «все мысли, которым люди придают значение», и слова кажутся ему бледными по сравнению с той истиной, которая открывается для него. «Он испытывал сознание отчужденности от всего земного и радостной, и странной легкости бытия». Князь Андрей ожидает прихода смерти без страха и тревоги, хотя раньше она пугала его. Он чувствует; что любит Наташу, пытается понять, в чем смысл и сущности; любви. «Любовь? Что такое любовь? — думал он. — Любовь мешает смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существует только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику». В последние часы жизни князя Андрея княжна Марья ухаживает за братом вместе с Наташей. Болконского исповедуют и причащают, домашние приходят проститься с ним. Когда он умирает, все плачут (Николенька, сын Андрея, — «от страдальческого недоумения», графиня и Соня — от жалости к Наташе и от того, что Андрея больше нет, старый граф — от того, что скоро и ему предстояло последовать за князем Андреем). Наташа и Марья тоже плачут, но «не от своего личного горя; они плакали от благоговейного умиления, охватившего их души перед сознанием простого и торжественного таинства смерти, свершившегося перед ними».